

Два письма для Катерины

Моему дяде, погибшему за Родину, посвящаю.

1

Под утро Николаю снова приснилась родная деревня. Яркое солнце светит сквозь ветви берез, искрится, вспыхивает на мокрой после дождика траве мириадами искр. Покос. Трава легко и упруго срезается лезвием косы и ложится ровными валками у левой ноги. Шаг вперед, взмах, и, прижимая пятку косы, протягиваешь с выдохом. Вжик, и снова взмах. Впереди, чуть слева спина косца. Рубаха мокрая от пота плотно прилипла к спине, под ней с каждым взмахом и поворотом тела играют мышцы. Во всей фигуре угадывается что-то бесконечно знакомое, но слегка забытое и неуловимое. Хочется догнать, посмотреть кто это. За спиной дыхание других косарей. Обернулся назад – братья. Ванька, за ним в двух шагах Васька, а за ним старший Мишка. Ванька почему-то хмурится, торопит:

– Давай, давай, пятки подрежу!

Хочется пить. Мать стоит позади косцов, держит в руках запотевшую крынку. Николай знает, что в крынке прохладное молоко. Хочется припасть к крынке и пить, пить, не отрываясь белую, чуть вязкую жидкость, пахнущую теплом коровы и чем-то еще, родным и знакомым.

– Попей, Коля! – мать протягивает к нему крынку. Николай хочет сделать шаг к матери, но в это время, идущий впереди косарь, оборачивается, и Николай узнаёт отца.

– Не отставай, – говорит отец. – Нам надо сегодня успеть докосить.

– Разве тебя отпустили? – удивляется и одновременно радуется Николай. – Когда же ты вернулся?

– Я ненадолго – помочь тебе покос закончить.

Отец улыбается, и ласково, как когда-то в детстве, берет за руку:

– Пошли...

Николай оглянулся. Мать и братья почему-то уже далеко, что-то говорят ему, но слов не разобрать. За спиной у них небо наливается тучей, а впереди солнце светит ярко, и птицы поют всё громче и громче...

Николай вздрогнул и проснулся. Над головою заливалась какая-то птаха. Было уже почти светло, но солнце еще не встало. Хотелось пить. Осторожно поднялся, чтобы не

разбудить бойцов, лежащих рядом на постеленных прямо на земле шинелях, нащупал фляжку. Из-за угла дома выглянул, услышавший шорох часовой.

– Не спится, товарищ лейтенант? – спросил вполголоса.

– Да, что-то опять родина приснилась. Скорее бы уж капитуляцию объявляли. Войне-то уже конец.

– Кого-то, наверное, оставят мирную жизнь в Германии налаживать, недобитых гитлерюгендов разоружать. А мы с 41-го в окопах, на дембель, наверное, первыми пойдем. Эх, как там дома? У нас в Иркутске уже солнце за полдень перевалило.

– Ладно, Лёнька, пойду пройдуся. Тебя уже менять идут, поспать еще успеешь немного.

– Ты только табачком угости, а то у меня почти закончился.

Николай протянул Леониду кисет, с вышитыми зеленой шелковой нитью словами: «Дорогому бойцу от подруги». Получил он его два года назад вместе с письмом от незнакомой девушки из Кемеровской области. В письме девушка Галя посылала наказ бойцу Красной Армии «дать прикурить, как следует фашистскому Фрицу», и сообщала свой адрес для переписки. После демобилизации Николай собирался сначала заехать в шахтерский поселок, где жила и трудилась Галина, а уже потом вместе с ней к себе в село.

Николай и Леонид были из соседних колхозов, призывались в один день в самом начале войны, и служили в одной роте. Даже в госпитале по ранению лежали вместе летом в 1944 году. Сдружились крепко, хотя внешне не показывали виду. Не мешало дружбе и то, что Николай уже год носил офицерские погоны...

Николай неслышным шагом обошёл расположение взвода, перекинувшись парой слов с часовыми, и вернулся к месту расположения на ночлег. До подъёма примерно час. Это если ничего не произойдет. Но стояла предутренняя тишина, нарушаемая только пением ранних птиц.

2

Несмотря на то, что в семье Коля был младшим, на фронт ушел почти сразу, как началась война. Ивана призвали только в марте 1942 года, а Василия в 1943 году. Михаил трудился на железной дороге и на фронт так и не попал, хотя водил составы вплоть до прифронтовой полосы, и под бомбежками побывать приходилось. Бог миловал всех братьев, и хотя ранения, кроме Михаила, никто не избежал, но сильных увечий не случилось. Сам Николай побывал в госпитале дважды. Один раз досталось крепко, и если бы не Лёнька, который хоть и был сам ранен в ногу, но друга не бросил, лежать бы ему в белорусской земле, откуда его предки были родом.

Вновь вспомнился отец. Николай не знал, жив ли он. Отца забрали в апреле 1938 года, как врага народа и, не смотря на все обращения матери, мало что удалось узнать о

дальнейшей его судьбе. Пришло известие, что за шпионскую деятельность осуждён на семь лет без права переписки. В прокуратуре матери прямо объяснили, что если будет еще писать куда, то выселят вместе с младшим Колькой и глухонемой дочкой Пашей в двадцать четыре часа, как семью врага народа, туда «где Макар телят не пас».

Знающие люди потом объяснили, что «семь лет без права переписки» означали расстрел, но Колька этому не поверил. Когда отца арестовали, Николаю шёл шестнадцатый год, и он хорошо понимал, что отец никакой не вражеский агент. Но объяснить происходящее сам себе он не мог. Решил, что кто-то темные делишки проворачивал, а на отца свалили при первом удобном случае. Старшие братья после ареста отца вообще чудом уцелели от «ежовых рукавиц» наркома внутренних дел.

3

Мысли Николая переключились на предстоящий день. Два дня назад бойцы роты, в которую входил и взвод Николая, получили приказ произвести зачистку Нойенхагена, земля Бранденбург (так официально назывался небольшой немецкий городок недалеко от Берлина). Прочесывали дома, подвалы и чердаки уцелевших домов и развалин в поисках прятавшихся немецких солдат, которые небольшими группами и поодиночке забивались буквально в щели. Заодно разъясняли местному населению о необходимости пройти регистрацию в комендатуре.

В первый день обнаружили и разоружили около двадцати солдат вермахта, в основном ополченцев из «фольксштурма». А на улице Хауптштрассе наткнулись на ожесточенный огонь, который вели из развалин двухэтажного дома несколько, как потом выяснилось, эсэсовцев. Те тяжело ранили двоих бойцов из соседнего взвода. Терять им было нечего, и сдаваться они не собирались. Пришлось забросать их гранатами, и вскоре всё стихло.

А вчера произошёл случай, выбивший Николая из равновесия. Только что прибывший из пополнения новый командир второго взвода, молоденький лейтенант Володя Христич, расстрелял немецкого ефрейтора пожилого немца, который был уже разоружен и, трясясь, лепетал, показывая на соседний дом:

– Mein Zuhause. Meine Kinder. Ich kapituliert. Ich wollte nicht schießen...¹

Чем-то он не понравился Христичу и тот с размаху припечатал немца прикладом ПППШ прямо в лицо. Немец взвыл и, упав на колени, начал кричать, протягивая окровавленные руки к солдатам. И пока бойцы очумело смотрели на происходящее, Христич выпустил в него очередь. Немец дернулся и затих. Другие пленные попятились к забору, лейтенант с перекошенным ненавистью лицом повернулся в их сторону, но бойцы навалились на своего командира, прижали к стене. Прибежал замполит (кто-то уже доложил):

¹ Мой дом. Мои дети. Я капитулировал. Я не стрелял... (нем.)

– Ты что, под трибунал захотел? Под арест его!

Лейтенант вдруг обмяк, губы его затряслись, и он почти беззвучно прохрипел:

– А как они... Мамку мою и сестру... Вот такой же как он... На глазах у меня снасильничали и убили... – он вдруг зарыдал, никого не стесняясь.

– А ты, значит, чем лучше их? – замполит вытер рукавом пот и одел фуражку. – Уведите его, пусть отойдёт, потом пусть с ним особист разбирается.

От соседнего дома, на который показывал пленный немец, бежала, голося что-то на ходу женщина в накинута на плечи безрукавке. Платок упал с ее головы, длинные светлые волосы развевались на бегу. За ней следом бежал подросток, лет четырнадцати, пытаюсь ее остановить. Женщина с разбегу упала, перед мертвым немцем, не обращая внимания, что колени сбились в кровь и завывала:

– Willie! Willie! Oh, mein Gott! Warum? Warum hast du nicht hören?..²

– Mom. Komm her, bitte!³ – подросток тянул мать за руку.

Бойцы смущенно переминались. Хриistica уже увели, и он не видел, чем все закончилось. А Николай с Лёнькой Медведевым подошли как раз в этот момент. Замполит скомандовал бойцам:

– Быстро уведите пленных. А этих... Фрица унесите, помогите похоронить. – Хотел ещё что-то сказать, потом махнул рукой и пошёл в сторону комендатуры...

4

Пристроившись возле чурбака, на котором повар Нестеренко приноровился рубить дрова для полевой кухни, Николай вынул из сумки лист бумаги и карандаш, положил на чурку планшет и размашистым почерком начал писать письмо матери:

«Здравствуйте, дорогие родные мама и сестра Паша! С горячим солдатским приветом из Германии ваш сын и брат Николай. У меня всё хорошо. Фашистов всех уже разбили. Остались только жалкие остатки, которые прячутся по подвалам и лесам. Но скоро и им придёт конец. Наверное, когда получите мое письмо, война уже закончится. Так что, скоро буду дома. Как у вас дела? Пишет ли Василий? Я от него давно ничего не получал. А от Ивана недавно было письмо. Он где-то в Австрии. Пишет, что у него всё хорошо. От Михаила тоже получил письмо месяц назад. Как там Пашенька? Скоро солдаты вернутся с фронта, выдадим её замуж. Передавайте привет всем соседям и односельчанам. Передаёт вам привет наш земляк Леонид Медведев и весь наш взвод. Подробно обо всём поговорим, когда вернусь домой. Осталось совсем немного. На этом прощаюсь. Ваш Николай. 7.05.45».

² Вилли! Вилли! О, мой Бог! Почему? Почему ты меня не послушал?.. (нем.)

³ Мама. Пойдем отсюда, пожалуйста! (нем.)

Затем аккуратно сложил написанное письмо треугольником, и на чистой его стороне вывел адрес родной сибирской деревни, и обратный – номер полевой почты своей воинской части...

5

Николай поднялся на кучу битого кирпича и стал рассматривать в бинокль разбитое здание пятиэтажного дома, которое предстояло прочесать. Бойцы из соседнего взвода вчера частично прошли по нему, выловив несколько фрицев, которые, как только их обнаружили, начали махать белой тряпкой, привязанной к концу палки. Их уже обыскали и хотели сопровождать на территорию фильтрационного пункта на окраине городка, когда случился инцидент с лейтенантом Христочем. На этом прочесывание завершилось и отложилось до утра. А сегодня утром комбат приказал командиру 1-го взвода прошерстить это здание еще раз, а также ратушу и территорию, примыкающую к центральной площади.

В воздухе до сих пор чувствовался запах горелой резины и металла от разбитого автобуса, который взрывом откинуло вплотную к входу в подъезд. Точнее к тому, что от подъезда осталось. Машина сгорела дня два назад, а запах до сих пор не выветрился, и только с легкими порывами теплого ветра немного ослабевал, разбавлялся запахом цветущих акаций. Возле здания всюду разбитые куски плит с торчащими концами арматуры, битый кирпич и сверкающие на солнце осколки стекла – бывшие окна.

– Товарищ лейтенант! Тебя командир роты вызывает.

К Николаю, огибая переломленный у основания фонарный столб, пробирался Леонид.

– Сейчас... Минуту... – Николай поднес к глазам бинокль. Что-то заинтересовало его в отблеске битого стекла прямо у оконного проема первого этажа. Не просто отблеск, а скорее солнечный зайчик...

И вдруг он все понял, но сделать уже ничего не успел. Одновременно со вспышкой в окне в грудь ударило чем-то острым, и жуткая боль разорвала сознание. Нужно было вдохнуть, а вдохнуть никак не получалось, в глазах потемнело и последнее что услышал Николай, был чей-то хрип. И через этот хрип прорывался крик, кажется Лёнькин:

– Лейтена-а-ант! Колька-а-а!

6

Его словно подкинуло вверх. И стало легко. Так легко, как никогда не бывало. И главное, что боль исчезла. Не затихла потихоньку, а исчезла вся и сразу. Николай с удивлением смотрел вокруг и видел себя как бы парящим в воздухе, всего в метре от земли. Под ним лежал навзничь какой-то боец, судя по форме, лейтенант. Рядом валялась фуражка, а вытянутая правая рука сжимала армейский бинокль. На груди его,

слева, вокруг пробитого карманного клапана гимнастёрки быстро растекалось бурое пятно. И вдруг Николай с ужасом узнал в этом человеке СЕБЯ!

К нему, лежащему на спине, подбежал, пригнувшись, Лёнька и потащил вниз с кучи. Подбежали, пригибаясь, другие бойцы, стреляя на ходу в сторону прозвучавшего выстрела.

Николай отчетливо видел и слышал всё происходившее вокруг. Видел перекошенное плачущее лицо сержанта. Он пытался сказать ему, что он живой, он рядом! Но голоса не было. Вернее голос был, но кроме самого Николая его никто не слышал.

Сержант выхватил у одного из бойцов трофейный «фаустпатрон» – трубу со смешной на вид гранатой-набалдашником на конце. Встав на колени, сержант стал целиться в сторону злополучного оконного проёма. Николай посмотрел в ту сторону и вдруг мгновенно переместился туда, увидел валяющуюся винтовку с оптическим прицелом. В сознании тут же отметилось: оптика цейсовская – классный прицел. В метре от винтовки, согнувшись пополам, корчился мальчишка-подросток. Его рвало. И в нём Николай опознал сына убитого вчера лейтенантом Христичем пленного немца.

В следующее мгновение Николай очутился возле Лёньки, хотел как-то объяснить, что стрелять не надо. Не получилось. Прозвучал выстрел, и граната влетела в оконный проём. Полыхнуло пламя, из окна вывалился клуб чёрного дыма. Солдаты побежали вперед, а сержант сел рядом с телом лейтенанта, вытащил из нагрудного кармана пробитые и залитые кровью документы. Из другого кармана извлёк треугольник неотправленного Николаем письма. Потом поправил гимнастёрку, снова застегнул пуговицы. Когда заворачивал самокрутку, руки, измазанные кровью, тряслись, махорка просыпалась, но Лёнька этого не замечал.

– Как же так, Колька? Что же я твоей мамке скажу?

Николай пробовал снова что-нибудь сказать, потрясти за плечо своего друга, но рука проходила Лёньку насквозь. И ничего не чувствовала. Попробовал потрогать себя, и сквозь себя проходила рука. Мало того, теперешнее его тело было каким-то полупрозрачным, на что сразу и внимания не обратил...

Внезапно он вспомнил всё. От рождения и до самого сегодняшнего дня, жизнь промчалась перед глазами, вернее, в сознании. Все мельчайшие события, давно забытые им, пронеслись сейчас и были так свежи и ярки, как будто все происходило на экране чудесного кинематографа...

И предутренний сегодняшний сон...

Мама!

В далёкой сибирской деревушке наступил вечер. Катерина вернулась со скотного двора усталая и вся какая-то разбитая. Весь день её мучило предчувствие. Она и сама не

понимала, хорошее или плохое, но что-то должно было произойти. Дочь поставила на стол чугунок с вареной в мундире картошкой, разломала пополам лепёшку из черной с отрубями муки, перемешанной с истертой лебедой и еще какой-то травой, заготовленной впрок прошлым летом. Скоро пойдёт свежая зелень и будет полегче. Вот-вот закончится война, вернутся братья, и не надо будет так надрываться. Трудно бабам в колхозе, когда мужиков почти нет. А какие есть, так или деды, или пацаны, или калеки, как соседский Афоня, который вернулся с войны без руки и без ноги.

Паша не могла читать газет, так как не знала грамоты, а сообщения информбюро не слышала – была глухонемой с шести лет. Но про войну всё прекрасно понимала. И сама могла рассказать что-нибудь, изображая руками и шёпотом повторяя кое-какие слова, которые запомнила с детства.

Пока не стемнело, сели ужинать. И тут Катерину словно ударило в грудь. Сердце сжалось, перехватило дыхание. И почему-то в голове пульсировала одна мысль: «Что-то с Колей!»

...Николай уже не удивился, когда практически мгновенно оказался дома, возле матери. Та, облокотившись рукой о стол, пыталась расстегнуть ворот старенькой кофты, лицо её было бледно, волосы выбились из-под платка. Испуганная Пашенька пыталась подсунуть ей кружку с водой, но кружка опрокинулась и вода растеклась по столу. Было жаль страдающую мать, такую постаревшую, родную, и перепуганную Пашеньку. Но и здесь его никто не слышал, как он ни старался обратить на себя внимание. Только во дворе завывала старая, почти слепая Жучка, которую Колька еще мальчишкой приволок за пазухой домой, отобрав у пацанов на берегу речки, когда те собирались топить щенков.

Вдруг Николай почувствовал, как начинает медленно подниматься вверх, всё выше и выше. Внизу остался родной дом и деревня, с огибающей её речкой, гора с кладбищем и пыхтящий при подъёме паровоз, тянущий за собой десяток вагонов. Всё это удалялось, становилось маленьким, как бы игрушечным, а сверху разливался, наполняя собою всё вокруг удивительный серебристый свет. Свет, не имеющий тени. «ТОТ СВЕТ» – мелькнуло в сознании у Николая. Это выражение он много раз слышал раньше, но ни разу не задумывался над его значением. А Свет продолжал заполнять всё собой, из Него звучал зовущий, любящий Голос.

Через две недели почтальонша Нинка передала через соседку (сама не решилась) два письма для Катерины. Одно – обычный солдатский треугольник, слегка измазанный чем-то бурым, но адрес можно было легко разобрать. А другое – на казенном бланке, с тем же номером полевой почты, что и на Колькином треугольнике...

Июнь 2014 года